

Гений русской музыки

К 145-летию со дня рождения М. И. Глинки

Подобно Пушкину, младший его современник Глинка освещает своим гением все русское искусство. «Глинкинское», как и «пушкинское» в искусстве — это прежде всего правдолюбие и свободолюбие, это великая человечность и преданность родине.

Глинка всего себя отдавал развитию родного искусства. В 1845 году прославленный автор «Ивана Сусанина» и «Руслана и Людмила», путешествуя по Испании, писал: «Я более и более убеждаюсь в том, что я душой русский и мне трудно подделаться под чужой лад». В конце своей недолгой, 53-летней жизни Глинка в письмах признавался с глубочайшей искренностью: «Я писал по чувству и любви, и теперь люблю его (народ) искренне».

Творчество Глинки — явление, имеющее интернациональное значение. Русская музыка с появлением Глинки завоевывает господствующие позиции в мировом искусстве и с тех пор не уступает их никому вот уже более столетия. Сила морального воздействия высокопоэтических произведений Глинки исключительно велика. Искусство Глинки огромно и в том, что идет от своих народных корней, и в блестяще найденной истинно новаторской форме, где романтическая приподнятость и взволнованность гармонически сочетались с реалистическими принципами, свойственными его творчеству в целом.

Типично национальные русские черты соединяются в музыке Глинки с огромным общечеловеческим содержанием, доступным пониманию человека любой нации. Подлинный сын своего народа, Глинка не только сумел постичь цельность, благородство характера русского человека, но и найти полноценно-реалистические художественные средства для его выражения.

Вы всегда угадаете музыку Глинки, угадаете ее по русской характерности, по удивительной простоте лирических высказываний, по широте и напряженности эпического размаха, по романтической приподнятости

сти чувств. Высока и плодотворна идейность его творчества.

Глинка уже на заре своей творческой деятельности обращался к пушкинским стихам. Чистый родник пушкинской лирики утолял жажду молодого композитора, стремившегося отразить в своей музыке чувства подлинно большие, настоящие. Отсюда — десять непревзойденных романсов Глинки на слова Пушкина, с такими шедеврами, как «В груди горит огонь желанья» и «Я помню чудное мгновенье». Нас покоряет в них гармония музыки и стихов, благоухание подлинной поэзии, которой отмечены романсы Глинки.

Разумеется, не только эти, а и большинство романсов Глинки входят в сокровищницу русской вокальной литературы. Надо вспомнить прежде всего цикл из двенадцати превосходных романсов, озаглавленный композитором «Прощание с Петербургом». Поэтическое ощущение русской природы в дивном «Жаворонке», картинность, стихийность движения по первой русской железной дороге между Царским Селом и Петербургом в «Попутной песне», — все это свидетельство зрелости, могучей силы великого певца русского народа.

О «Комаринской» Глинки П. И. Чайковский писал, что в ней, как дуб в жолуде, сосредоточен весь будущий русский симфонизм. И он был абсолютно прав, ибо принципы реализма и народности, своеобразие русского развития мелодических тем предопределены в этом колоритнейшем произведении, исполненном юмора и художественной наблюдательности.

Из «Вальса-фантазии» родились замечательные русские классические балеты Чайковского и Глазунова. Трактовка Глинкой смыслового значения танца была развита и продолжена авторами «Лебединого озера» и «Раймонды».

Но, конечно, центром творчества Глинки были и навсегда останутся два монументальнейших его создания — его оперы. Первенец русской музыкальной драматургии,

совершенное воплощение идеи патриотической верности родине «Иван Сусанин» и первая из гениальных пушкинских опер «Руслан и Людмила» составляют то национальное богатство непреходящей ценности, что маяком осветило пути развития русской оперы на целое столетие.

Бессмертный памятник народу-богатырю — таким предстает и сегодня «Иван Сусанин» Глинки. Остается ли хоть один человек в зале равнодушным, когда раздаются от сердца идущие звуки увертюры, когда русский старик, один из многих славных патриотов, поднимает свой голос против наглых интервентов. Глинка до глубины души постиг идейную сущность русской песенности. Наделив присущими ей чертами образа своего любимого героя, он славит Ивана Сусанина, как типическое выражение общенародного патриотизма в лихие годы, в смутное время. Музыка Глинки ярко передает мощь народного гнева, силу сопротивления врагам, побуждающим нас на национальную независимость великого и гордого народа.

В образах Сабиняна, Вани, Антонида, в коллективном образе народа-героя, в хороших сценах Глинка с потрясающим реализмом живописует народную трагедию. Эта музыка будет жить вечно, ибо она правдива. Использует характерные интонации русского песенного фольклора, Глинка драматизирует их и превращает в гибкий, послушный воле мастера материал для лепки музыкальных образов своих героев. Навсегда останутся в памяти каждого, впервые услышавшего «Сусанина», слова героя, музыкой поднятые до высочайшего, философского обобщения: «Страх не страшусь, смерти не боюсь, лягу за родную Русь»...

В пушкинские дни мысль невольно обращается к опере «Руслан и Людмила». Два великих гения создали произведение поистине исполненное. Действительно, русская сказочность, полет фантазии, неистощимая игра музыкального воображения композитора — все это сродни гениальной легкости пушкинской поэмы. Но Глинка не механически пересадил образы Пушкина на благодатную почву своей музыки, а многие в поэме переосмыслил, по-своему осветил и акцентировал. Так выросло философское

звучание подвига Руслана, и сам русский витязь стал воплощением тех богатырских черт, искони присущих русскому национальному характеру, что началом своим в русской опере имеют образ Сусанина.

Жанр волшебного-исторической оперы зачеркнул под пером Глинки всеми цветами радуги. Былинный эпос тесно переплетается в опере с наивными превращениями, типичными для волшебной сказки. Богатырский облик, высокая моральная чистота, целеустремленность жизненных дерзаний Руслана воплощаются в полную гармонию музыки.

«Руслан и Людмила» — это зенит творчества Глинки. 1842 год — год завершения оперы, ее постановки — оказался и годом, кризисным для творчества великого русского музыканта. Не потому отнюдь, что иссякли творческие силы, не потому, что не было желания писать или не было чего сказать своему народу. А потому, что мрачная николаевская реакция душила все молодое, жизнеспособное, глушила побег самобытного, могучего национального искусства — на потеху графам Пулиным и прочим народничкам отечественного космополитизма, заглаженного и Пушкиным, и Грибоедовым, да и самим Глинкой.

«Поймут твоего Мишу, когда его не будет, а «Руслана» через сто лет», — писал Глинка сестре Людмиле Ивановне Шестаковой. Легко понять всю горечь этих слов передового художника, неуклонно шедшего своим путем, по следам друга и вдохновителя своего — Пушкина. Глинка, в конечном счете, разделил и судьбу своего кумира. Изгнанный бездушным чиновничеством на чужбину, умер Глинка вдали от родины в 1857 году.

Во славу родины творил Глинка свое совершенное искусство. В дни, когда Глинка умирал, на Руси уже собирали силы молодые орлята, будущие «гучкисты», те, кто избрал своим девизом имя «Руслана». Вместе с Чайковским они понесли вперед великое знамя русского искусства.

Наша советская музыка в лучших своих произведениях продолжает славные традиции, завещанные потомкам гением русского народа, бессмертным Михаилом Ивановичем Глинкой.

Георгий ПОЛЯНОВСКИЙ.

1 ИЮН 1949

МОСКОВСКИЙ БОЛЬШЕВИК
Москва